

СЛОВАРЬ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ: ВТОРАЯ ЖИЗНЬ В XXI ВЕКЕ

Переиздание Словаря Академии Российской (1789–1794; далее: САР), пришедшее на начало XXI века, было встречено в нашем обществе с большим энтузиазмом как давно ожидаемое: ведь со времен создания Словаря именно фундаментальная русская лексикография не покидала стен Академии наук России и сделалась ее основным направлением в работе. Только по XVIII веку выходит в Санкт-Петербурге продолжающийся фундаментальный «Словарь русского языка XVIII в.» (1984–2001, тт. 1–12) на 2-миллионной картотеке XVIII в. Двухязычные, терминологические, региональные исторические словари в основном издаются университетами Министерства образования и крупными издательствами.

Переиздание академической словарной классики началось в 1999 г. именно со Словаря Академии Российской по инициативе Московского гуманитарного института им. Е.Р.Дашковой (ректор к.и.н. Л.В.Тычинина, руководитель проекта переиздания) и Дашковского общества (председатель — д.и.н., проф., акад. РАН А.В.Семенова). Кроме Московского гуманитарного института им. Е.Р.Дашковой на титуле первых трех томов Словаря обозначено участие Отделения литературы и языка РАН, а с IV тома — Отделения историко-филологических наук РАН, куда с 2002 г. входит Секция языка и литературы.

Выход в свет Словаря приветствовали представители научных и общественных кругов: в I томе — секретарь Отделения литературы и языка РАН акад. Е.П.Чельшев, во II томе — председатель Совета по русскому языку при Правительстве РФ В.И.Матвиенко, председатель подкомитета по науке Государственной Думы акад. РАН Ж.И.Алферов, в III томе — председатель Национального комитета славистов РФ акад. РАН О.Н.Трубачев.

Молодая Российская Академия, ставившая перед собой гуманитарные цели создания словарей, грамматик, риторики и пиитики, без помощи членов петровской Санкт-Петербургской Академии естественных наук — математиков, физиков, химиков, — принимавших участие в создании естественнонаучной терминологии, без помощи духовных лиц, работавших над лексикой церковно-славянского происхождения, не могла создать всеобъемлющий Словарь. О трудах ученых XVIII в. пишут в соответствующих разделах САР современные исследователи: математик — акад. РАН И.Р.Шафаревич, физик — чл.-корр. РАН Н.В.Карлов, историк церкви — чл.-корр. РАН Я.Н.Цапов.

IV том рассказывает о создателях Словаря, представляющих словесные науки XVIII в.: писателях, литераторах, поэтах. Словарь Академии Российской был не только родоначальником академической фундаментальной лексикографии. Он установил каноны русского литературного языка, его стилей. По всеобщему признанию, на его удачно сложенном фундаменте процвела русская словесность, началась филология в современном смысле слова, Словарь обеспечил «золотой век» русской литературы XIX в. Крупнейшее библиографическое издание «Русские писатели: 1800–1917» в 7-ми томах, которое начало выходить в 1989 г. под редакцией чл.-корр. РАН профессора МГУ П.А.Николаева, насчитывает 4000 писательских имен.

Сейчас, в XXI веке, в Москве и Санкт-Петербурге исследование литературы представлено крупнейшими институтами Российской академии наук: Институтом мировой литературы и Институтом русской литературы (Пушкинский Дом).

Ныне Институтом мировой литературы руководит блестящий знаток современной литературы, известный критик, ученый, публицист чл.-корр. РАН Феликс Феодосьевич Кузнецов. В составе Института 17 отделов, 10 секторов и 15 групп, а также Архив и Музей А.М.Горького. Три диссертационных совета по защите докторских и кандидатских диссертаций. Свое издательство «Наследие». Создан собственный портал — фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (XI–XX вв.). В глобальной компьютерной сети — и крупномасштабная библиотека, и история Института.

Что касается литературы XVIII века, сначала она изучалась в Секции (Отделе) древнерусской литературы и литературы XVIII в. (1939–1941 гг. и 1945–1947 гг., руководитель Н.К.Гудзий), потом в рамках Отдела русской литературы, созданного в 1942 г. (руководители: Н.Л.Бродский, Н.К.Гудзий, Д.Д.Благой, К.Н.Ломунов, Л.Д.Громова-Опульская). С 1949 г. одним из ведущих сотрудников Отдела был К.В.Пигарев. В Отделе находится Группа по изучению русской литературы XVIII в., которой руководит А.С.Курилов. В 1981 г. вышла его монография «Литературоведение в России XVIII в.». Под его редакцией вышла также коллективная монография «Русский и западноевропейский классицизм. Проза» (М., 1982).

В Москве в Институте истории естествознания и техники была подготовлена монография «Московская интеллигенция XVIII в.» (М., 1999).

В петербургском Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (директор — крупнейший специалист по истории русской литературы XIX в. чл.-корр. РАН Николай Николаевич Скатов) существует Сектор по изучению русской литературы XVIII в., которым руководит Наталья Дмитриевна Кочеткова. Сектор регулярно выпускает сборник «XVIII век» (вып. 1–22), освещающий широкий круг вопросов развития литературного процесса в России и русского языка в это время. Н.Д.Кочеткова также является президентом Российского общества по изучению XVIII века, которое существует при Российской академии наук с 1988 г. и входит в Международное общество по изучению XVIII века. Цель Российского общества по изучению XVIII века состоит в углублении и координации исследований по XVIII веку, охватывающих все стороны его культурного наследия (историю, литературу, философию, идеологию, религию, языки, искусство, право). Общество издает научные материалы и проводит регулярные конференции и семинары на базе Института всеобщей истории РАН (Москва) и Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

В 2002 г. вышел первый том уникального 17-томного издания «Шедевры русской литературы». В составе редколлегии этого издания, как и в редколлегии нового издания (переиздания) САР, рядом стоят имена государственных деятелей, представителей министерств, академических кругов естественнонаучного и гуманитарного направлений. Главный редактор издания — чл.-корр. РАН профессор МГУ Петр Алексеевич Николаев.

Просвещение и державность во второй половине XVIII в. (1755–1783)¹

Конец XVII в. и начало XVIII в. в Европе были временем расцвета литературы, временем успехов гуманитарных дисциплин, прежде всего философии, накопления и осмысления языковых фактов, состав-

¹ История создания САР и его переиздания освещена нами в предисловиях к первому и последующим томам: «Дашкова и Словарь ее эпохи», «XVIII век — взгляд из XX века», «Словарь Академии Российской: вторая жизнь в XXI веке».

ления серьезных словарей и энциклопедий. Выдающимся английским лексикографом этого времени был Сэмюэль Джонсон (1709–1784). Появились первые теории развития языка. Лингвистикой заинтересовались люди, не бывшие профессионалами: в Германии — Георг Вильгельм Лейбниц (1646–1716), Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803), в Италии — Джанбатиста Вико (1668–1744), во Франции Этьен Бонно де Кондильяк (1715–1780) и Жан Жак Руссо (1712–1778)².

Россия по-своему пережила этот век, также прошедший под знаком гуманитарных идей и заметных лингвистических начинаний. Бурное петровское время началось с введения гражданского шрифта, осознания необходимости владения иностранными языками и достижениями европейской науки. Первую четверть XVIII в. Россия закончила устройением Санкт-Петербургской Академии наук естественного направления. Но в отличие от европейских академий она мыслилась именно как государственное учреждение, опираясь на которое, Россия могла бы решить задачу подготовки отечественных ученых и государственных мужей европейского уровня. При Академии был учрежден Университет и Гимназия. Однако отсутствие в Университете гуманитарных курсов и кафедры русского языка (ведь языком науки была латынь) затрудняло решение многих специфически российских вопросов. Уже к середине века изменился социальный состав общества, демократизировалась письменность. Границы между «сакральной», «профанной» и профессиональными функциями в письменности уже не очерчивались столь четко. Особенно заметно менялась речь. Многочисленные образования из народной речи внесли в литературный язык массу новых речений. В связи с множеством иностранных слов, появившихся в контактах с европейской рабочей силой, неупорядоченность словоупотребления была очевидным для всех злом. Как вмешаться в этот стихийный процесс? И можно ли поправить дело? Ломоносова не покидала уверенность, что «язык, которым Российская держава великой частию света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сомнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся» («Краткое руководство к красноречию», 1747). Большую стабилизирующую роль играла «Российская грамматика» М.В. Ломоносова, трижды переиздававшаяся на протяжении четверти века (в 1771 г. вышло первое посмертное, третье по счету, издание, в 1777 — второе, в 1785 — третье). Не меньший спрос был на его «Риторику». Вопросы состояния русского языка обсуждались в трудах и других деятелей культуры. Достаточно лишь назвать работы поэта А.П. Сумарокова: «О коренных словах Русского языка», «О происхождении Российского народа». А.П. Сумароков бросал упрек Санкт-Петербургской Академии наук, что она только «в науках, а не в словесных науках упражняется»³ и что «Россия никакова не имеет собрания, пекущегося о языке и словесных науках»⁴.

Именно русское слово, русский слог, русский язык оказывались на первом месте среди забот общества, от них как бы зависел имидж государства, входившего к этому времени в разряд европейских держав. Население страны к концу XVII века насчитывало примерно 11 млн. человек, как следует из документов, мемуаров и литературных памятников. По числу жителей Россия занимала тогда четвертое место в Европе после Франции — 24,5 млн. человек, Италии и Германии — по 13 млн.⁵ И совсем по-другому выглядела

² Алпатов В.М. История лингвистических учений. — М., 1998. С. 54–55.

³ Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. X. — М., 1782. С. 5.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Орлов А., Смирнов Ю. Предисловие // Жажда познания. История Отечества в романах, повестях, документах. — М., 1986. С. 6.

Екатерининская Россия конца XVIII в.: в ее состав вошли Прибалтика, Белоруссия и Правобережная Украина, Северное Причерноморье, Приазовье, Крым, земли между Днестром и Бугом, значительная часть Казахстана. К середине XVIII в. в стране насчитывалось 18 млн. человек, к концу столетия — 36 млн.⁶ «Приведение в совершенство» языка растущей державы надо было тоже держать в своих руках. В государственную политику постепенно входила политика языковая. Рост страны и ее положение в Европе обязывали к этому. С одной стороны, Екатерина II отдавала дань зарождавшемуся сравнительно-историческому языкознанию: с поощрением отнеслась она к вышедшим в 1787–1789 гг. «Сравнительным словарям всех языков и наречий» под редакцией П.С.Палласа, хотя там было представлено лишь 285 русских слов с их эквивалентами на 200 языках. Издание сравнительного глоссария не имело успеха, оно базировалось на представлении о происхождении всех языков мира из одного праязыка. И все же вопрос об этногенезе народов и языков, в том числе и русского, встал именно тогда: разрабатывая материалы акад. Г.Ф.Миллера (1705–1783), И.Э.Фишер написал ряд статей: «О происхождении венгров», «О происхождении татар», «О происхождении молдавцев» и др. Наиболее крупные труды и источники по истории России и русского народа были опубликованы именно в 70-е годы: «История Российская с самых древнейших времен» (1768–1784) В.Н.Татищева (1686–1750) под ред. Г.Ф.Миллера, «История Российская от древнейших времен» (1770–1791, 7 томов, 15 частей) М.М.Щербатова (1733–1790). Под эгидой Санкт-Петербургской Академии наук издано 11 частей «Продолжения Древней российской вивлиофики», в которых было напечатано много различных источников XI–XVII вв.⁷

С другой стороны, — вызревало стремление держать в центре внимания собственно русскую историю, собственно русскую лексику. Еще со времен Ломоносова готовились и некоторые лексикографические работы, например, «Этимологический российский лексикон [здесь и далее курсивное выделение наше. — Г.Б.] с латинским переводом» К.А.Кондратовича, печатные и рукописные страницы которого были переданы позднее в Академию Российскую, и его же «Дикционер или речениар о разных произращениях» (1780). Множество названий словарей свидетельствует о популярности и разнообразии словарных работ: *Азбуковник*, *Алфавит*, *Алфавитарь*, *Номенклатор*, *Реестр*, *Роспись искусственным словам*, *Врачебное веществословие* и др.⁸ Становилось понятно, что Россия нуждалась в большом обобщающем нормативно-стилистическом словаре, в академической грамматике. Проявляя заботу о создании Московского университета, М.В.Ломоносов и И.И.Шувалов надеялись на единение словесных наук, на подготовку гуманитарных кадров для работы по очищению и обогащению русского языка. 1755 год, который считают годом открытия Московского университета, был, по-существу, годом открытия его Гимназии. В числе первых гимназистов оказался и Д.И.Фонвизин. Первые студенты в Московском университете появились в 60-х годах из числа лучших выпускников Гимназии и Славяно-греко-латинской академии в Москве. Рождаясь как учебное заведение, где русский язык был бы признан языком науки, Университет прошел ряд мучительных этапов. По утверждению немецкой части профессуры, приглашенной Г.Ф.Миллером, только латынь позволяла им читать нужный для Университета комплекс дисциплин. Они «не знали» читать по-русски, а выпускники Гимназии в нужной степени не владели латынью. Русской профессуры было очень мало. Н.Н.Поповский, А.А.Барсов, подготовленные М.В.Ломоносовым еще в

⁶ Там же.

⁷ Продолжение Древней российской вивлиофики. Ч. 1–11. — СПб., 1786–1801.

⁸ См. подробнее: Симоненко А.Е. О состоянии и задачах изучения истории русской типографии XVIII века // XVIII век: язык, жанр, стих. — Донецк, 1996. С. 17–26.

стенах Санкт-Петербургского университета, составляли меньшинство в Совете. Н.Н.Поповский мог читать и по-латыни, но гуманитарные дисциплины, философию надо читать только по-русски, полагал он: «Философия выступает как архитектор, изображающий в себе чудесный и великолепный храм Вселенной, она должна приводить к богопознанию, которое неразрывно связано с богословием, т.е. выражением в словах сущностных понятий мироздания»⁹. «Языком богопознания может быть только родной язык, черпающий свое богатство и выразительность в традиционной церковно-славянской среде», — говорил он вслед за Ломоносовым¹⁰. В первые годы Н.Н.Поповский в Московском университете по инициативе И.И.Шувалова издает полное собрание сочинений М.В.Ломоносова. Впоследствии Н.И.Новиков, став директором университетской типографии, издает переводы западных писателей-просветителей: Свифта, Руссо, Расина, Мольера. Правда, только в 1767 г. куратор Московского университета Михаил Матвеевич Херасков смог добиться от императрицы персонального разрешения молодым русским профессорам, вернувшимся из-за границы (С.Десницкому, И.Третьякову, а также С.Зыбелину и др.), читать по-русски лекции по юриспруденции, философии, медицине.

Университет задумывался тоже как государственное учреждение. Получив образование, как полагали устроители, выпускник станет чиновником и будет направлять общество для пользы государства, пропагандировать науки, «выводящие подданных Российской империи из “тьмы невежества”»¹¹. На торжественных актах присутствовала московская знать, представители коллегий. И, действительно, первые слушатели, не всегда даже прошедшие курс до конца, приглашались на государственную службу. Государство нуждалось в образованных чиновниках. Но уже подрастали и такие слушатели, кем наука ценилась не в качестве государственного идеала, а потому что она служила задачам самовоспитания, этического совершенствования человека, развития его творческих способностей. И это стало причиной некоторых осложнений. При Университете стали выходить «Московские ведомости» (с 1756 г.), открылась публичная общедоступная библиотека (из пожертвований Демидовых, Е.Р.Дашковой и др.). Типография стала печатать отечественных литераторов: А.П.Сумарокова, М.М.Хераскова, Д.И.Фонвизина. 1773 год считается годом официального введения преподавания русской словесности (в 1776 г. экстраординарным профессором по кафедре российской словесности назначается Харитон Андреевич Чеботарев (1745–1815), впоследствии первый ректор Московского университета)¹². Важным событием было учреждение Вольного Российского собрания (1771–1787), которое впервые сформулировало задачу «исправления и обогащения русского языка». В разное время в него входили: Е.Р.Дашкова, М.М.Щербатов, Г.Ф.Миллер, А.П.Сумароков, М.М.Херасков, Д.И.Фонвизин, Н.И.Новиков, М.Н.Муравьев и даже князь Г.А.Потемкин.

Под редакцией секретаря общества А.А.Барсова вышло шесть томов «Опыта трудов Вольного Российского собрания» (1774–1783), где состоялась проба создания «Российского Словаря по азбуке» на основе лексики классики русской литературы, древних памятников, фольклора. По свидетельству «Летописи Российской Академии наук» известно, что в 1773 г. в Санкт-Петербургскую Академию наук был представлен «Церковный словарь» от Вольного общества усовершенствования русского языка при

⁹ Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета 1755–1855. —М., 2001. С. 80.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 95.

¹² Филологический факультет Московского университета. Очерки истории. Ч. 1 / Под общ. ред. д.ф.н. М.Л.Ремневой. —М., 2000. С. 9.

Московском университете (Вольного Российского собрания), а также «Географический лексикон» Г.Ф.Миллера¹³. Известно, что в 1776 г. шла корректура «Российского Словаря» Вольного Российского собрания (ее листы хранятся в РГАДА), так что, возможно, именно там возник первый опыт коллективной работы над словарем, тем более что в эти годы А.А.Барсов уже начал писать свою «Грамматику русского языка» («Обстоятельную российскую грамматику»). Она во многом уже опережала «Грамматику» Ломоносова. Во всяком случае, Вольное Российское собрание ставило своей целью изучение русского и славяно-русского слова, слога. Вольное Российское собрание показало, что дух и деяния просветительского характера в Московском университете проявлялись постоянно. Постепенно в Московском университете все же создавался центр самобытной науки, сочетавший достижения европейской учености с национальными и духовными ценностями русского народа.

Но, с другой стороны, Московский университет, никогда не имевший богословского факультета (в отличие от европейских), был открыт для западной профессуры, представителей разных конфессий и даже сект. Дух искательства, в том числе религиозного, витал вокруг Московского университета. «Очевидно, Университет, с его ... разноязыким наполнением, опознавался ими как "свой" среди чуждой для них традиционной русской культуры». Немцы по-прежнему процветали в России не только в Немецкой слободе. Со своей столицей в Сарепте в России обосновалось несколько колоний и поселений секты гернгутеров. Об этих годах университетской жизни писал пастор И.Виганд. По свидетельству того же Виганда, профессора истории, в Московском университете было много членов кружка Сен-Мартена, стремившегося просто к ниспровержению православного вероисповедания в России¹⁴. История, немецкая литература, учреждение филологической семинарии, лекции по философии, беседы с молодежью собирали вокруг талантливых ораторов с разнообразным масонским прошлым множество слушателей.

Одной из таких, по-своему ярких, фигур был Иоганн Георг Шварц. И.Шварц бичевал политические и церковные злоупотребления, а слушатели уже мечтали о создании своего русского отделения масонов. Ловко использовал И.Шварц средства московского богача П.А.Татищева, чтобы подвести московских масонов к розенкрейцтерству¹⁵. Именно со времен И.Шварца окончательно определяется явление масонства как «интеллигентского сектантства», которое в своих поисках истин Веры и Духа опиралось на упование собственного разума, «за которым скрыты вполне земные, корыстные цели», а не на веками освященную православную церковность¹⁶. В своих лекциях культивировал «внутреннее христианство» в масонском понимании и педагог-моралист Х.Чеботарев, читавший российскую историю и словесность, сблизился с ним и Н.И.Новиков.

И.И.Мелиссино, куратор Московского университета, веротерпимый человек, все же не поладил с И.Шварцем. За год до возвращения Е.Р.Дашковой из заграничного путешествия И.И.Мелиссино имел встречу с ней за границей. По приезде Екатерины Романовны, чуть ли не в эту же неделю, был решен вопрос относительно Академии Российской и первого ее детища — Словаря Академии Российской. Екатерина II дело создания Академии Российской и Словаря не стала отпускать далеко от Петербурга. Значительную часть сотрудников из Вольного Российского собрания И.И.Мелиссино привел с собою в Петербург для составления Словаря Академии Российской.

¹³ Летопись Российской Академии наук / Отв. ред. Н.И.Невская. Т. 1. — М., 2000. С. 607–608.

¹⁴ Андреев А.Ю. Лекции... С. 101–103.

¹⁵ Там же. С. 106.

¹⁶ Там же. С. 108–109.

По окончании работы над САР можно было прочесть такие строки: «Излишне говорить о том, что всякий сочинитель должен основательно знать отечественный свой язык и что знание грамматики, чтение славянских и российских, особливо изданных учеными обществами книг, обращение с людьми, просвещенными в словесности, и во многих случаях Словарь русского языка, сочиненной Императорской Российской Академией, служат надежными к сему пособиями» (И.С.Рижский)¹⁷.

Завершает век, таким образом, самое известное **произведение** русской науки и культуры, ее петербургских и московских сил. Так хочется назвать Словарь Академии Российской, положивший начало фундаментальной академической лексикографии.

Успех этого **произведения** не только в том, что «его составлял коллектив единомышленников», но и в том, что «это были люди общего статуса и ранга, равной социальной и образовательной ценности, что и обусловило единство плана, композиции и содержания томов Словаря» (В.В.Колесов). Лев Владимирович Церба, обозревая нашу лексикографию, сказал, что труд лексикографа сродни писательскому труду. Среди участников САР не было лексикографов в прямом смысле слова. Этот коллектив собрал творческую интеллигенцию своего времени главным образом из людей пишущих или сочинителей, как тогда говорили, поэтов и драматургов, журналистов и проповедников, ораторов и витий. В их лице пиитика и риторика, красноречие и витийство представляли рождающуюся русскую словесность и русскую литературу в ее золотом XIX в. и серебряном ореоле XX в.

Силами отечественных ученых, светских и духовных писателей и литераторов, деятелей образования и государственных мужей свершилось славное деяние Академии Российской.

Г.А.Богатова

¹⁷ Рижский И.С. Опыт риторики // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. —М., 1997. С. 14.